

Чирун Сергей Николаевич

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У МОЛОДЁЖИ?

В статье рассматриваются возможности постмодернистского подхода к феномену молодёжи. По мнению автора, в ситуации постмодерна наблюдается радикальная трансформация институтов молодёжной политики и социализации, а также изменения онтологической сущности самой молодёжи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/3-2/53.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 230-233. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 323.22+316.3.4

В статье рассматриваются возможности постмодернистского подхода к феномену молодёжи. По мнению автора, в ситуации постмодерна наблюдается радикальная трансформация институтов молодёжной политики и социализации, а также изменения онтологической сущности самой молодёжи.

Ключевые слова и фразы: постмодерн; традиция; глобализация; сеть; молодёжь; молодёжная политика.

Сергей Николаевич Чирун, к. соц. н., доцент
*Кафедра политических наук
Кемеровский государственный университет
Sergii-tsch@mail.ru.*

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У МОЛОДЁЖИ?®

Автор статьи не собирается, как это может показаться из названия, рассуждать о социально-политических проблемах России и связывать эти проблемы с перспективами молодого поколения в нашем государстве. Хотя, конечно же, и эта тема заслуживает самого пристального внимания. Но сейчас нас интересуют не социальные в самом широком смысле перспективы молодёжи как особой номинальной социально-демографической группы, а, скорее, перспективы существования самой научной категории «молодёжь».

В ситуации постмодерна мы являемся свидетелями изменения вектора геронтолого-ювенологической сегрегации, не всегда признаваемой ювенологами [26, р. 240-247]. Многие из них утверждают, что молодёжь везде и всегда является объектом дискриминации по возрастному признаку [15], и именно эту неполноценность социального статуса молодёжи призвана компенсировать молодёжная политика.

Методологически выделение «ювенологии» в особую науку означает признание универсальности свойств молодежи, их независимости от общественного строя. Например, В. А. Луков утверждал, что стремление ряда ученых обосновать «ювенологию» как особую науку заключается в том, что молодежь различных эпох и различных стран воспринимается как социальное образование со сходными свойствами: во-первых, с собственно социальными (степень включенности в общественную жизнь, отличающуюся от старших поколений, прежде всего, в сфере управления) и, во-вторых, социально-психологическими (стремление к новому, энтузиазм, романтический настрой и т.д.) [14, с. 6].

Указанный подход получил отражение в «Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» [6], принятых Верховным Советом в 1993 г., здесь в качестве приоритетных его идеологи закладывали представление, что независимо от личных обстоятельств, в том числе от уровня благосостояния семьи, молодой человек испытывает трудности социального становления. Недостатки его социального статуса надо компенсировать, поэтому объектом молодежной политики выступают не отдельные группы молодежи, а вся молодежь.

Однако является ли молодёжь в условиях постсовременности гомогенной группой, социально-дискриминируемой именно по возрастному критерию? По мнению автора, данный подход допустим для индустриального общества, но в контексте реализации функций молодёжной политики в постсовременном обществе неуместен. Это же относится и к распространённым в социологии молодёжи представлениям о необходимости рассматривать молодёжную политику исключительно в границах политики социальной [2; 10, с. 3; 12, с. 56; 19, с. 62; 22, с. 16].

Российский ювенолог (ювентолог) В. В. Павловский даёт следующее определение понятию молодёжь: «...это особая биосоциальная возрастная группа людей от 13-14 до 29-30 лет, которая занимает переходное положение между общностями людей подросткового и взрослого зрелого возраста; представляет собой возрастное образование.... осуществляет переход от репродуктивной (подготовительной) к продуктивной деятельности, эволюцию от общественной и гражданской несамостоятельности - к статусу взрослых самостоятельных членов общества, полноправных граждан и сформировавшихся личностей» [16, с. 249-250]. Интерпретируя Павловского, можно сказать, что молодёжь - это своеобразный «мостик» от детства к зрелости. К этой идее и её трансформации в постмодерне мы позднее вернёмся.

Интересной в рамках концепта постмодерна является теория «префигуративной культуры» М. Мид, изложенная ей ещё в 60-е годы XX века. По мнению М. Мид, общество «префигуративной культуры» [25] сталкивается с ситуацией, когда старшие поколения начинают существенно уступать в своей эффективности поколениям младшим, вследствие чего традиционная пирамида геронтократической иерархии оказывается перевернутой, а формирование молодёжной политики сопровождается её же дезонтологизацией. Отсутствие в постсовременной культуре ответа на смыслообразующие вопросы проявляется в положительной динамике молодёжных девиаций в формах преступности (новация), наркомании, алкоголизма, суицида (ретритизм). Подходы к решению большинства названных проблем видятся многим ученым в развитии интегральной науки о молодёжи - ювенологии. В своей работе «Введение в ювентологию» Ф. Малер выделяет её онтологическую проблематику и парадигмальные основы [24, р. 16-42.]. По мнению Е. Слуцкого, ювенология

представляет междисциплинарное знание о становлении (взрослении) человека в диалектическом единстве социального, духовного и биологического начал и формировании его как полноценного члена современного общества. Объектами ювенологии, считает Слуцкий, являются и молодой человек, и молодёжная популяция [20]. В Сибири развитием ювенологии занимается В. В. Павловский [14, с. 46-47; 15; 16]. Однако до сих пор проблемой ювенологов остаётся и неопределённость базовых категорий [17, с. 144]. Дело в том, что одни используют понятие «ювенология» (И. М. Ильинский, Д. М. Давпетшишина, Е. Г. Слуцкий), другие – «ювентология» (В. А. Луков, Ф. Малер, В. В. Павловский). Отметим, что понятие «ювенология», но совершенно в отличии от указанного выше аспекта используется в медицине. Здесь она, в отличие от геронтологии, изучает не старение, а особенности молодого и зрелого организма для того, чтобы найти пути продления молодости, дать человеку творческое здоровье и долголетие. Существует общественный институт ювенологии в Москве при Центральном Доме медицинских работников. Соответственно, на данный момент понятие «ювенология» по-разному понимают и используют разные научные направления. Одни занимаются изучением социально-антропологических характеристик молодежи, другие же ищут пути продления молодости организма человека.

Между тем процессы, наблюдаемые в молодёжной среде, требуют принципиального переосмысления самой методологии молодёжных исследований. Мы наблюдаем отрыв «молодёжности» от границ хронологического возраста. Становится массовым феномен «пожилых юношей», проявляющийся в коммуникации, потреблении, сексуальном поведении. Вещи становятся атрибуцией групповой принадлежности и дистанцирования от «чужих», к которым оказываются причисленными группы старшего поколения, причём стигматизация «чужих» происходит по критериям, отличным от традиционного (хронологического) возраста. Согласно П. Бурдьё, сходство социальных позиций индивидов выражается в сходстве их взглядов, сходством габитуса.

Габитус отражает ту социальную позицию, в рамках которой он был сконструирован. Габитус продуцирует поддающиеся классификации и объективно дифференцированные образцы поведения и представления [4, с. 143]. Однако их восприятие доступно только субъектам, обладающим кодом, этими самыми классификационными моделями, позволяющими понять социальную значимость данного поведения и представлений. В реальных взаимодействиях общность и различия социальных признаков субъектов выражены символически, социальная дифференциация функционирует как символическая дифференциация, например, иерархия статусных позиций в явной форме существует как иерархия стилей жизни. Если раньше взрослые считали молодёжь «недовзрослыми», то в условиях префигуративной реальности молодёжь начинает считать взрослых «недомолодёжью». И это становится новой парадигмальной моделью взглядов на социальную систему и постепенно идет ювенизация всего социального пространства. Помимо подражания высшим классам, сравнительное влияние референтной группы выражается в желании индивида создать у окружающих впечатление его принадлежности к какой-либо значимой для него группе. Значимость молодёжи как большой, «тотальной» референтной группы постмодерна, с одной стороны, принципиально повышает её групповой социальный статус, с другой – размывает её контур, делая профиль группы менее определённым.

Молодой человек постмодерна часто не способен к переходу на новый возрастной этап социально-демографической стратификации. Сама идея такого перехода в изменённой системе аксеологических координат становится подобной идее «умирания». В постмодерне молодой человек воспринимается обществом как идеал, к которому должны стремиться те, кто ещё не стали молодыми, и который боятся утратить те, кто достиг этого состояния. Если в предшествующую эпоху молодёжь и подростки часто копировали имиджевые черты старших возрастных групп – отращивали усы, бороду и т.д., чтобы повисить свой статус, в постмодерне – наоборот: пластические операции, стволовые клетки, диеты, молодёжный «тусовочный» стиль являются инструментами создания желаемого статусного образа, соответствующего молодёжному возрасту. Яркий пример – «звёзды» как отечественного, так и мирового масштаба.

Например, А. Б. Пугачёву можно рассматривать в качестве архетипа постмодерна [21, с. 98-99]. Её сексуальные отношения с молодёжью (Ф. Киркоров, М. Галкин) не только не привели к её моральной дискредитации в обществе, но стали элементами её «молодёжного» имиджа. Молодёжь толерантно принимает Пугачёву отчасти и потому, что у неё есть много общего с молодёжью российского постмодерна (археомодерна), и, в первую очередь, как ни странно, это её возраст.

Проблематика возраста – это особенная тема постмодерна. Разработка современной концепции молодёжи, по мнению И. М. Ильинского, должна осуществляться на базе новой философии возраста: «Мы до сих пор в основном пользуемся философией возраста, которую разрабатывали ещё мыслители древних времён. Между тем общество и темпы его развития изменились столь разительно, что представления о возрастах должны вновь стать предметом философствования...» [8, с. 108]. Известно, что возраст не сводим к одному лишь его хронологическому выражению. Например, В. Н. Боряз считает возраст мерой аккумуляции природных и социальных качеств, а этапы становления молодёжи определяет на основе обретения ею субъектных позиций [3, с. 117]. В повседневности, говоря о возрасте, часто имеют в виду совершенно различные характеристики и проявления: это и состояние человека как биологической системы, и социальное измерение возраста, то есть совокупность его признанных обществом достижений, и его психологическое измерение. Наверное, можно ещё отметить и духовное состояние возраста, а также предложить определённые критерии этого состояния. Однако это тема отдельного исследования. Ю. Р. Вишневецкий и В. Т. Шапко признают «стилевой» подход к интерпретации молодёжи, в соответствии с которым молодёжь предстаёт весьма

«размытым» явлением - «...молодыми считаются те, кто ведёт молодёжный образ жизни, но еще не входит или уже вышел из молодёжного возраста. Современные отношения между открытой когда-то молодёжью и тем, что называется «постмодернисты», даже нарушили многие категории... включая ассоциации между молодостью и возрастом, молодостью и новаторством» [5, с. 30]. Теперь предположим, что постмодерн отличается от предшествующих эпох тотальным смещением и смешением возрастных позиций, то есть позиций хронологических, физиологических, психологических, политических и социальных. Возможно, поэтому категория «поколение» всё настойчивее замещается в научных исследованиях понятиями «возрастной класс» или «когорта», последняя, согласно Л. Шовэль, «должна пониматься не как общественная организованная группа, а как конкретный общественный период времени: песчинка общественных песочных часов» [23, р. 19]. Постмодерн в этом смысле характеризуется не просто неконгруэнтностью, но подчас и антагонизмом возрастных позиций. В постмодерне наблюдается и даже становится массовым состояние возрастной неконгруэнтности, т.е. несовпадения в пределах личности либо групп нескольких возрастных позиций. Такое явление, разумеется, имело место и ранее - и в модерне, и даже в премодерне (например, чандалы в древней Индии), однако только в постмодерне это явление становится глобальным. Состояние возрастной неконгруэнтности, т.е. когда по одним критериям человек является молодым, а по другим - уже не является, возможно, будет корректнее обозначать не молодостью, но ювенальностью, а данную социальную категорию - «ювеналами». Можно сказать, что в постмодерне молодёжь не просто исчезает, как утверждают авторы концептуального отрицания молодёжи М. Байзерман и Д. Мангусон, но трансформируется в «ювеналов». Причем помимо собственно молодёжи «вирус» «ювенальности» распространяется и на старшие возрастные категории.

Речь идёт о статье американских социологов М. Байзермана и Д. Мангусона «Нужна ли нам по-прежнему молодёжь как социальная фаза?». Авторами статьи высказывается идея, что в обществе постмодерна вычленение молодёжи в качестве социально-демографической категории утрачивает актуальность. И авторы призывают «научиться смотреть поверх возраста на личность и человека». Комментируя данную концепцию, А. И. Ковалёва и В. А. Луков отмечают, что «в идее отрицания молодёжи ... меньше всего следовало бы искать намерение исследователей отойти от жизненных реалий». Напротив, по их мнению, те молодёжные концепции, которые утвердились в современной науке, «...не позволяют достаточно адекватно на теоретическом уровне представлять действительность, быстро и радикально меняющуюся» [5, с. 29; 9, с. 121-122].

Один из крупнейших отечественных специалистов в сфере молодёжной политики С. В. Алещенок замечает: «Сложившуюся во всех современных обществах «молодежную» фазу жизни, в рамках которой функционирует собственно молодёжь и развивает специфически молодёжный образ жизни, можно рассматривать и как своего рода резервацию... Однако рамки «молодежной» фазы жизни подвижны и зависят от конкретных общественных условий. Для отдельных социальных групп населения эти рамки могут сужаться, вплоть до полного исчезновения подобно тому, как это было на доиндустриальной фазе общественного развития» [1, с. 5]. Отсутствие молодёжи на ранней стадии развития человеческого общества отмечается и И. М. Ильинским [8, с. 121].

Итак, в премодерне молодёжь не существовала ещё (были только дети и взрослые), а в постмодерне - не существует уже (а если существует, то совершенно в ином качестве, в качестве «постмолодёжи» или «ювеналов»).

Переход от детского состояния к состоянию взрослому (в аспекте обретения социально-политического статуса) в премодерне является одноактным и продолжается в течение акта инициации, сопровождающегося, как правило, испытаниями, болью и заключающего в себе символизм духовного и социального рождения. Молодёжь возникает в модерне как периоде многоактной, растянутой инициации. В премодерне инициация была одноактной - отсюда и отсутствие массовой молодёжи в премодерне. В постмодерне, напротив, молодёжь универсализируется в качестве доминирующей социальной категории, существенно выходящей при этом за пределы собственно молодёжного возраста. Если всё общество становится молодым, то молодёжь как особая социально-демографическая группа должна исчезнуть, следствием чего и является появление феномена «постмолодёжи». «Постмолодёжь» совсем лишена инициации в отличие от «растянутой» инициации молодёжи модерна. Также и социализация в постмодерне, в отличие от премодерна, не может считаться завершённой в юности или зрелости, но продолжается на протяжении всей жизни человека.

Сегодня как бы исподволь, почти незаметно проводится идея отрицания молодёжной политики, а затем и молодёжи. Подтверждение тому судьба Федерального закона «Об основах государственной молодёжной политики в РФ». Хотя законодателям удалось преодолеть сопротивление противников закона в Совете Федерации 11 ноября 1999 года, однако рамочный закон, определяющий социальную сферу молодёжной политики, до сих пор не принят, более того, по мнению Президента РФ Д. А. Медведева, высказанному на форуме «Селигер-2010», он не может быть принят, поскольку не имеет самостоятельного предмета правового регулирования. Другим подтверждением «отрицания» молодёжи является скандально известный форсайт-проект «Детство - 2030» (ФПД), который был официально заявлен на «ЭКСПО-2010» как программа вхождения России в 21 век.

В России развитие ФПД началось в 2008 г. по инициативе Общественной палаты РФ и при участии Международной методологической ассоциации. Заказчики проекта предпочитают находиться в тени, а в роли представляющей их интересы стороны выступает Общественная палата РФ, и в частности А. Радченко (Фуфлыгина) [18].

Целью проекта заявлена «смена идеологии и парадигмы в обществе». Форсайт-проект заявляет, что каждый человек взрослеет и входит во «взрослый» мир по-разному: кто-то в 14 лет, а кто-то - в 30 или даже позже. Таким образом, любой современный ребёнок может до 30 (а то и дольше) оставаться членом «мира детей» [6].

В этой доктрине речь идёт о детях, хотя указаны границы именно молодёжного возраста - 14-30 лет (согласно региональному законодательству РФ в сфере молодёжной политики), но нет ни слова о молодёжи, т.к. она просто не нужна в постмодерне. В постмодерне, считает А. Г. Дугин, индивид исчезает, замещаясь «дивидом» [7]. Формируется класс «недовзрослых», людей, давно вышедших за пределы хронологического возраста молодости, но не ставших взрослыми, т.е. фактически неполноценных людей, которыми очень удобно, как показал опыт цветных революций на постсоветском пространстве, манипулировать, использовать их потенциал и энергию вопреки их объективным интересам и потребностям. Не менее циничная модель сегодня реализуется и в цветных революциях с «арабской» спецификой, где мондиалисты направляют гнев народных масс (преимущественно молодёжи) против национальных политических режимов, обвиняя последние в проблемах (в частности, рост продовольственных цен), причинами которых стал сам процесс глобализации по либеральным лекалам постмодерна.

Итак, молодёжь - это именно концепт общества эпохи модерна (индустриальное общество), в премодерне (традиционное общество) её время ещё не наступило (поэтому там и нет молодёжи - лишь дети и взрослые), а сейчас, в наступившем постмодерне - оно, видимо, уже заканчивается.

Список литературы

1. **Алещенок С. В.** К проблеме новой концептуализации молодежи // Методологические проблемы исследования молодежи: материалы к дискуссии / НИЦ при Ин-те молодежи. М., 1998. 221 с.
2. **Антонов М. Г.** Молодежная политика в России как часть социальной политики. М., 1994. 134 с.
3. **Боряз В. Н.** Молодёжь: методологические проблемы исследования. Л.: Наука, 1973. 155 с.
4. **Бурдые П.** Социальное пространство и символическая власть // THESIS: альманах. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. 293 с.
5. **Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т.** Парадоксальный молодой человек // СОЦИС. 2006. № 6. 159 с.
6. **Дорожная карта «Детство 2030»** [Электронный ресурс] // Детство: общественная программа. URL: <http://2010-2030.ru/about/514>
7. **Дугин А. Г.** Молодёжная антропология: видеозапись лекции / МГУ. М., 2006.
8. **Ильинский И. М.** Молодёжь и молодёжная политика: философия, история, теория. М.: Голос, 2001. 694 с.
9. **Ковалёва А. И., Луков В. А.** Социология молодёжи: теоретические вопросы. М.: Социум, 1999. 351 с.
10. **Король И. А.** Решение социальных проблем молодежи органами государственной власти Кемеровской области в 1991-2005 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 23 с.
11. **Луков В. А.** Молодёжное движение в социалистическом обществе. М., 1987. 220 с.
12. **Новожилов А. М.** Молодёжь и политика. М.: МИИТ, 2001. 334 с.
13. **Об основных направлениях государственной молодёжной политики в Российской Федерации:** постановление ВС РФ № 5090-1 от 3 июня 1993 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 25.
14. **Павловский В. В.** Социология молодёжи и ювенология // Социологические исследования. 1999. № 5.
15. **Павловский В. В.** Ювенология: становление науки о молодёжи. Красноярск, 1997. 185 с.
16. **Павловский В. В.** Ювентология: проект интегративной науки о молодёжи. М.: Академический проект, 2001. 304 с.
17. **Першуткин С. Н.** Ювенология: накопление потенциала и реализация практических функций // СОЦИС. 2002. № 10. 160 с.
18. **Разумовский А.** Форсайт-Апокалипсис [Электронный ресурс] // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. URL: <http://www.ruskline.ru/analitika/2010/09/15/forsajtapokalipsis/>
19. **Родионов И. Н.** Молодежная политика в современной России // Диалог. 1998. № 9.
20. **Слуцкий Е. Г.** Молодёжная политика: история, проблемы, перспективы. СПб., 1999. 88 с.
21. **Чирун С. Н.** Молодёжная политика постсовременности: методология, процессы, технологии. Томск, 2009. 309 с.
22. **Шаронов А. В.** Государственная молодежная политика как фактор социального развития молодежи: автореф. дисс. ... канд. соц. н. М., 1994. 19 с.
23. **Fourtuer M.** Generattions: volees, dorees, sacrificees? // Sciens Humaines. 2000. № 108. Aout-septembre. 182 p.
24. **Mahler F.** Introduzere in Juventologie. Bucurestj, 1983. 296 p.
25. **Mead M.** Culture and Commitment: a Study of the Generation Gap. N.Y.: Natural History Press; Doubleday and Co Inc., 1970. 113 p.
26. **Unification and Marginalization of Young People** / ed. by H. Helve. Helsinki: Hakapaino, 1998. 372 p.

DO YOUNG PEOPLE HAVE FUTURE?

Sergei Nikolaevich Chirun, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
Department of Political Sciences
Kemerovo State University
Sergii-tsch@mail.ru

In the article the opportunities of the post-modernistic approach to youth phenomenon are considered. In the author's opinion in post-modernism situation there is a radical transformation of youth politics institutions and socialization and also the changes of the ontological essence of young people themselves.

Key words and phrases: post-modernism; tradition; globalization; network; youth; youth politics.